

Г. В. Судаков

К ВОПРОСУ О РОЛИ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ XVII в. В СКЛАДЫВАНИИ ОБЩЕРУССКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА

Язык памятников локальной деловой письменности XVII в., развиваясь в русле традиций приказного языка Москвы, вместе с тем включал известное число фактов из речи местного населения. Это дает возможность, опираясь на данные современных говоров, реконструировать черты диалектов прошлого, в частности, их лексическую систему. Незначительное пока количество подобных исследований затрудняет выяснение вопроса о роли отдельных говоров и местных писцовых школ в складывании национальной языковой нормы. В таких исследованиях важно учитывать жанрово-стилистическое расслоение русской письменности соответствующей поры, так как оно обусловило стилистические качества целого ряда слов. Учет жанрово-стилистических свойств текста важен и в плане лингвистической информативности: деловые тексты, например, характеризуются значительной предсказуемостью употребления бытовой лексики, в то время как художественные тексты отличаются случайностью появления слов бытовой сферы.

В данной статье, продолжающей нашу предыдущую публикацию¹, на основе вологодских и великоустюгских актов анализируются отдельные названия одежды и обуви.

Одежда в XVII в. стоила дорого, ее берегли, даже отдельные части, лоскуты хранили, передавали по наследству наряду с ценными вещами. Благодаря этому в описях имущества встречаются названия такой одежды, которая уже вышла или вышла из употребления. Так, например, общерусское слово *фезези* встречается во второй половине XVII в. преимущественно в описях имущества, а не в списках ежедневно носимой одежды, см. характерный пример: Да писал ты ко

мне про фезези, ихъ на Москве не носят и делать их не велят. (1681 г, Москва, ВОИДР, 1854, кн. 20, 34),

Мужская одежда, надеваемая ниже пояса, имела два названия: *штаны и портки*, синонимичность которых подтверждается фактами их употребления с одним и тем же значением одним писцом, например: работнику Алешке Василеву искроено на рубашку да на *штаны* десят аршин... работнику Алешке Василеву выдано и искроено на рубаху да на *портки* холста десят аршин (1683 г, Вологда, ГАВО, ф. 512, № 127, лл. 5 об, 7 об). Покрой этих одежд был одинаков, хотя штаны иногда имели подкладку, шили их чаще всего из сермяжного сукна. Отдельные писцы, по-видимому, стилистически различали эти слова, так в книге выдачи платья и одежды в Спасо-Прилуцком монастыре за 1627 г. (ГАВО, ф. 512, № 90) упоминаются *штаны* 11 раз, *портки* не упоминаются совсем.

В рукописях встречаются следующие определения при слове *штаны*: холщевые — холщевые, пестрединные, хрящевые, ровдужные, суконные, конопляные, полотняные, сермяжные, ветошные, пестрые, белые, на сибирскую руку. Эти определения зависели от материала, цвета и особенностей покроя одежды. Отмечен и уменьшительный вариант *штанишка*: осьмеры *штанишка* холщевые (1650 г, В. Устюг, ТК-П, 67).

В наших материалах зафиксирован только вариант *портки*, хотя на других территориях было и *порты*, ср. вологодское и московское: того же дни куплены *портъки* даны Туронтаку (1615 г, Вологда, ГАВО, ф. 948, № 130, л. 50); послала я хъ твоему здаровью две сорочки да двои *порты* два полотенца (Гр-ки, 73, с. 55).

Мужчины носили также *ногавицы* «штаны или наголенники» (Срезневский, П, 461—462). Это слово отмечено только в монастырских книгах и иногда чаще, чем слово *штаны*, так в вышеуказанной книге за 1627 г. *ногавицы* упоминаются 18 раз. Шили их из сукна или овчины: дал сапоги белые новы да *ногавицы* черново сукна сермяжново... дал старцу Гордею *ногавицы* овчинные мерлиные под сукном рясочным ветошю (1627 г, С.-Пр. м., ГАВО, ф. 883, № 90, лл. 9,16).

В качестве названий поясов выступали слова *кушак, полукушачье, пояс — поясок, опояска* с определениями, указывающими на материал, цвет и другие качества: кушак шелковый, тафтяный, бумажный, бухарский, красный; пояс шелковый, нитяной, гарусный, шерстяной, подчеревисинной бобровой, литовской, цветной. Узкие полосы ткани, служив-

шей для изготовления поясов и для отделки одежды, именовались *поясье*: явил мелочного всякого товару *снурков* и *поясья* шелковых и торочков тканых... товару явил фунт шелку 10 крушков *поясья* шерстяного сапоги красные (1680 г., В. Устюг, ТК-III, 365). В рязанских и воронежских памятниках в значении «женский пояс» выступает слово *покрошь*², в севернорусских актах оно преимущественно обозначает «шнур, употребляемый для отделки одежды» (5 кругов *покроши* уских да круг *покроши* кострыжных... *покроми* и иной мелкий товар — 1650 г, В. Устюг, ТК-П, 128, 133), а в тарногских актах также «мужской пояс», см. примеры: похватали у нас в избе платья: шапка черна испод куней да *покрошь* мускую голубу... да 6 ширинок полотняных синих да 7 *покрошей* муских багрецовых (1602 г, Тарног. у., ТК-П, 539); грабежом с меня сняли *покрошь* с хамьяном, в хамьяне 20 алтын денег (1603 г, Тарног. у., ТК-П, 544).

Большая значимость той или иной одежды для населения разных территорий обуславливает разнообразие видов этой одежды и конкретизацию ее наименований. В наших рукописях очень богат набор слов для выражения понятия «рукавица»: *рукавица*, *варега* — *вачега*, *верхница*, *голица*, *дубленица*, *исподка* — *исподница*, *вязаница* — *везеница*, *персница*, *шубница*. Внутренняя форма этих слов показывает их происхождение: указание на назначение (рукавица, персница, верхница, исподка), на материал и способ изготовления (голица, вязаница, дубленица, шубница).

Иногда одна и та же разновидность рукавиц называлась двумя разными наименованиями, так как при именовании учитывались разные признаки предмета, например, *вязаницы* и *исподки*, *вареги* и *исподки*: дал старцу Аврамию рукавицы телятинные да *вязаницы* белые *исподки*... казначей старец Галахтион дал Марку Простому шубу подержану да *ногавицы* серово сукна сермяжные новы да *рукавицы исподки вареги* новы (1627 г, С.-Пр. м., ГАВО, ф. 883, № 90, лл. 5 об., 21 об.); вынес из избы *рукавицы барановые с исподницы с вареги* (1673 г, Тарног. у., РИБ-14, 777).

Факты свидетельствуют, что *рукавица* — не просто родовое название, а иногда обозначение верхнего одеяния на руки, то есть *верхница* в отличие от *исподки*, см. примеры: дал старцу Ионе *рукавицы* дубленые с *исподками* вязаными... дал старцу Аввакуму *рукавицы* с *исподками*... дал старцу Герасиму *рукавицы* борановые с *исподками* вязаными ему

же дал *рукавицы* дубленые с ысподками вязаными (1650 г., Вологда, ГАВО, ф. 833, № 24, лл. 8, 19 об., 21 об.). См. такое же противопоставление слов *верхница* — *исподка*: купил рукавицы себе старец Иосиф *верхницы* и с *ысподками*... купили старцу Деонисию рукавицы *верхницы* и с *ысподки* (1615 г., С.-Пр. м., ГАВО, ф. 512, № 17, л. 16).

Слова *исподка* и *верхница* являются в вологодских рукописях омонимами, так как обозначают: 1) разновидность рукавиц и 2) тип легкого нательного белья. Попытку предупредить вызванную омонимией двусмысленность наблюдаем в следующем примере: того ж дни купил тринатцатеры *исподки* рукавишных дал тринадцат алтнъ дигъ (1652 г., С.-Пр. м., ГАВО, ф. 512, № 39, л. 10 об.). Упомянем, что варианты названий вторых рукавиц, надеваемых поверх первых, территориально распределены (здесь учтены данные и других исследователей): *верхницы* — Вологда, *вершки* — Воронеж, *верхонки* — южное Зауралье и Туруханск.

Определения при названиях рукавиц указывают на материал, цвет, способ изготовления, особенности покроя: камасьи, ровдужьи, дубленые, черевисинные, конинные, уресковые — уресчатые, барановые, вязаные, оленьи, соболю, лопские, перщатые, на пермскую руку, шубные, волчьи, телятинные, сыромятные, бобровые, росомачьи, яловичные.

Обращает на себя внимание наличие параллельных наименований: вязаницы — вязаные исподки, дубленицы — дубленые рукавицы, шубницы — шубные рукавицы, перстянки — перщатые рукавицы, см. примеры: даны рукавицы *дубленые* да *везеницы* новые... даны рукавицы *дубленые* с ыспотками *вязаными* (1683 г., Вологда, ГАВО, ф. 512, № 127, л. 20—20 об.); продали рукавиц *дублениц* (1677 г., Тотьма, ТК—III, 120); вологжана Костянтин Симанов, Осип Тарасов продали рукавиц варег, рукавиц *шубниц* (там же, 590); Усольского у. Алексинского стану Микитка Шашков явил товару 13 кож аленьих 6 — ры рукавицы *персницы* (Сольвыч., 1635 г., ТК—I, 300); ему ж дал рукавицы *перщатые* (1627 г., С.-Пр. м., ГАВО, ф. 883, № 90, л. 2); ему ж дал рукавицы *шубные* (там же, л. 2 об.).

По сравнению со списками северновеликорусских названий рукавиц в южновеликорусских текстах отмечены *рукавица*, *голица*, *вязаница*, *варега*, *вершок*³, то есть почти вдвое меньше.

Из названий головных уборов (здесь не учитываются монашеские уборы и предметы воинского снаряжения) были распространены *волосник* «чепец из тонкой материи, стянутый вокруг головы шнурком», *колпак*, *кика* — *кичка* «женский головной убор», *кокошник*, *ошивка* «нарядный женский головной убор в виде чепца», *платок*, *подзатыльник* — *потылок* — *потыльник* «бархатная или меховая задняя часть головного убора замужней женщины», *треух*, *фата*, *шапка*, *шляпа*, *перевязка* «лента или широкая кайма, служившая для поддержания волос», *убрус* «повой на голове змужней женщины из расшитого или вытканного полотенца», *подубрусник* «повойник или легкая шапочка, на которую надевался убрус», *сорока*, *ширинка*. Дополнительно в вологодских актах находим слова *плат*, *причелок*, *очелье*. Как видно из приведенного перечня, более разнообразны были названия женских головных уборов.

Функциональное назначение реалий ясно проступает в целом ряде контекстов, например: приходил ко мне тот Перша, наряжая в женское платье и укрутяся в *подубрусник* и в *кокошеник* (1680 г., Вологда. у., ОВС-8, 18); 30 *убрусов* женских (1680 г., В. Устюг, ТК-III, 276); да преж того де и после он же поп снимал с нее неволею же з головы *подубрусник* и тем де ея окосмачивал почасту (1695 г., Тотьма, РИБ-12, 1145). *Плат* и *ширинка* могли обозначать: 1) любое покрывало на стол, лавку, постель и 2) головной платок. Именно второе значение и подчеркнуто в следующих примерах: а живота моего те разбойники взяли 5 *ширинок* головных простых да зеркало (1615 г., Тарног. городок, РИБ-14, 621); живота моего татем тот вор Гриша украл рубаху лняную женскую верхницу да 2 *плата* головные новые (1630 г., там же, 698).

Слово *сорока* «женский головной убор» отмечено не только на юге, но и в севернорусских актах: *сорока* (1618—1619 г., Холмогоры, Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959, 70); да платья приданова снох моих однорядка три рубли да четыре *сороки* шиты золотом рубль да шесть *сорок* шелковых полполтины (1670 г., Вологод. у., ОВС — XI, 168).

Самым популярным головным убором была шапка, в текстах упоминаются шапки мужские, женские и детские, а с учетом сезонного предназначения — студеные и теплые.

Определения при слове *шапка* называют материал, из которых они изготовлялись: соболья, бархатная, суконная, шубная, крашенная, киндяшная, камчатая, овчинная, атласная, недособолья, недолисья, пупчатая, хвостовая.

Активно носили в XVII в. мужчины и женщины *треухи*, см. примеры: ис коробишек мелкой борошнишко *треухи* женские да платы да серебряную кузнь выбрали (1699 г., Белозерск. у., ОВС-III, 178); дал старцу Моисею *треух* под сукном черным рясочным подержан (1627 г., С.-Пр. м., ГАВО, ф. 883, № 90, л. 28).

Шляпу «мужской головной убор» носили преимущественно представители церковной и светской знати, но упоминается она и как головной убор слуг, крестьян, например: взяли рукавицы ровдужьи новые да топор да *шляпу* новую овчарную (явка крестьянина, 1629 г., Тарног. у., РИБ-14, 695); куплена малому Савке *шляпа* черная (1627 г., Вологда, ГАВО, ф. 948, оп. I, № 135, л. 265). См. пример с другой территории: с тех моих крестьянишек взяли кушак да пистоль да двои штаны да *шляпу* да пояс шелковой (1649 г., Нижегород. у., Акты Морозова-I, 114).

Колпак «мужской головной убор» носили молодые служки и лица духовного звания: купил два *колпака* поваренным ребятам купил служебнику Офонке *колпак* (1617 г., Вологда, ГАВО, ф. 883, № 7, л. 180 об.); грабил сынишка моего Оску а грабежом у него взял *колпак* бел (1620 г., Вологда, ГАВО, ф. 948, № 131, л. 102 об.).

Женскими головными уборами были редко упоминаемые в рукописях ошивка и перевязка, см. примеры: да шапка сорок алтын женская да *ошивка* женская полтина (1646 г., Вологод. у., ОВС-8, 6); пократчи снесли платя и денег и белья и девочьих двенатцат бисерных *перевязок* с перехрестьками а низаны по отласной и дорогилной червчатой земли а подкладки крашена лазоревая (1647 г., Вологод. у., ГАВО, ф. 1260, кор. 11, 23); *перевязка* с канителью и з весками шита золотом и серебром (XVII в, Вологод. у., ГАВО, ф. 1260, кор. 10, 227). Эти наименования встречаются в кунгурских актах (КА, 19-20, 75) и язанских⁴.

К элементам головных уборов, упоминаемых в местной письменности, относятся вершок «верх головного убора», испод «внутренняя часть головного убора», тулея, окол, полка «часть убруса», пух «оторочка из меха или нарядной ткани на шапках», подвязка, кисть, см. примеры: да на те

шапки на *вершки* выдано сукна сермяжного (1683 г., Вологда, ГАВО, ф. 512, № 127, л. 30); *исподишко* ношеное *тулея* пупчатая *околишко* соболье (1677 г., В. Устюг, ТК-III, 97); явил сибирской проезжей мягкой рухляди 2 подскора шапочных пупчатые *околы* собольи (1679 г., В. Устюг, ТК-III, 229); купил на Устюге 10 шапок овчинных *вершки* суконные 2 шапки женские *пухи* росомачьи *вершки* отласные (1677 г., В. Устюг, ТК-III, 18); явил отсталого товару 4 *полки* бобровые воротничек бобровый же 5 *пухов* браных овчинных (1680 г., В. Устюг, ТК-III, 340); куплено к архиепископие шляпе делали *подвяски* с *кистьми* десят золотников гвоздишново шолку (1632 г., Вологда, ГАВО, ф. 948, № 136, л. 322); шапка муская *вершок* червчатой бархатной *окол* соболей *тулейка* выбойчатая (1671 г., Тотьма, ЧОИДР-3, 1894, с. 15).

Обертки на ноги назывались *онучами*, которые различались по материалу, преобладали сермяжные, но знатные люди носили онучи и из более дорогих тканей. Онуча — слово общерусского распространения, относилось к разговорно-литературной лексике. В сугубо книжных контекстах русские авторы в XVII в. использовали выражение *плат обувной*, ср. примеры: дал старцу Ионе *онучи* сермяжного сукна черные новы (1627 г, С.-Пр. м., ГАВО, ф. 883, № 90, л. 17); елика же к сим же сандалейца со *обувными* *платы* (1616 г. Тимофеев, 51).

На севере Руси в XVII в. были широко распространены чулки, чаще вязаные, хотя богатые люди носили чулки из шелка или других материалов, см. повезл сысольской покупки сто пятьдесятеры *чулки* вязаные большей и малой и средней руки (1677 г, В. Устюг, ТК-III, 108); архиепископли *чулки* шит шелку *ж* купил (1653 г, Вологда, ГАВО, ф. 883, № 27, л. 106 об.). Ср. употребление этого слова в качестве имени собственного: Ивашко Василев снь *Чюлокъ* (1678 г., Вологод. у, ГАВО, ф. 512, 106, л. 11).

Приведем родовые наименования обуви: обувь, обутка, обуца. Слово *обувь* употребляется и в значении «пара» при счете обуви, например: 65 *обувей* сапогов телятинных больших да малья пятеры *обуви* (1650 г, В. Устюг, ТК-II, 9).

На всех русских территориях носили лапти, они были большими и малыми. Пара лаптей называлась *лапти дружки*: вятчана явили продать 200 рогож мочальных 500 *лаптей* лычных *дружков* 200 решет (1651 г, Сольвычегодск, ТК-II, 471). Лапти носили бедные люди, что нашло отражение в

литературе той поры: А ты, душе, много ли имеешь при них? Разве мешок, да горшок, а третье *лапти* на ногах (Жит. Авв. 1672—73 гг, 127).

Общерусским является слово *сапоги*. Сапоги делились на мужские и женские, по размеру: большие — большой руки, малые — малой руки — малые. По материалу различаются сапоги сафьяновые, барановые, телятинные, полутелячьи, козловые; по цвету: красные, вишневые, белые, желтые; по покрою: пришвы «с пришивными головками», полуголенные — полуголенки «с короткими голенищами», притачки. См. несколько примеров: дал *сапоги пришвы* (1627 г, С.-Пр. м., ГАВО, ф. 883, № 90, л. 11); дал старцу Антонию ступни новые да *сапоги полуголенные* красные... дал вкладчице Зинове красные *притачки* (там же, лл. 5 об., 47); дано Филипу сапожнику за приклад что онъ делал гсдю архиепску *полуголенки* изъ архиепскпя сафьяна три алтна пять денег (1627 г, Вологда, ГАВО, ф. 948, оп. 1, № 135, л. 218 об.). Ношение сапог особого фасона — «кривых», с подвязками и с нитями, так же как и подобных им башмаков, было привилегией женщин и щеголей того времени и, по-видимому, не очень одобрялось, см. примеры: *сапоги женские кривые* (1645 г, Вологда, ОВС-ХІІІ, 67); тот дьякъ живет не по мнстырскому чину ходить в црков в *кривых башмаках* а *сапоги* носит с *подвяски* (1671 г, Вологод. у., ГАВО, ф. 1260, кор. 3, 47); оболгал будто я вниз плаваючи к Архангельскому городу в курте и в *кривых сапогах* хожу (1653 г, Вологда, ГАВО, ф. 1260, кор. 10, 25).

Слово *башмаки* тоже носило общерусский характер, их носили мужчины и женщины. Любопытно, что в наших текстах отсутствует слово *чеботы* как название обуви, обычное для украинского языка данного периода, хотя в качестве имени собственного оно отмечено: дал ночному сторожу Ондрею *Чеботу* сапоги притачки белые (1627 г, С.-Пр. м., ГАВО, ф. 883, № 90, л. 40 об.). Употребляются и сочетания *чеботной мастер*, *чеботной шваль* наряду со словом *сапожник*.

Вероятно, принадлежностью северновеликорусских говоров были лексемы *уледи* — *уледни* — *уляди*, *поршни* — *моршни*, *катаники*, *коты*, *ступни*, *чарки*. Приведем примеры: дал Галахтиону старцу *катаников* (1627 г., С.-Пр. м., ГАВО, ф. 883, № 90, л. 23); с собою повез устюжской покупки обуви пятьдесятеры *коты* большие руки тритцатеры *коты*

меньшей руки двадцатеры *уледи* (1656 г, В. Устюг, ТК-П, 300); купил робятом *поршней* по два алтна... он же купил малому Еске *поршни* стреченки (1632 г, Вологда, ГАВО, ф. 948, № 136, л. 143); 50 пол конинных 180 *моршен* конинных (1656 г, В. Устюг, ТК-П, 331); рознесли грабежом сапогов и *улядей* и *моршен* и кож дубленых на пять рублей (1597 г, В.-Устюгский у., ЛЗАК-3, 7); товару пятьдесятеры *чарки* обуви середних и подсредних, двадцатеры *чарки* малые (1679 г, В. Устюг, ТК-III, 229).

Слово *катаники* «валяная обувь» сохраняется в вологодских говорах до сих пор. Коты носили как мужчины, так и женщины. Слово *поршни* зафиксировано и в смоленских актах⁵. Ступни носили также в южном Зауралье⁶. Уледи были профессиональной обувью рыбных ловцов и охотников и представляли собою кожаные сапоги с высокими голенищами. Соответствующее слово зафиксировано в южном Зауралье и в Туруханске⁷. Одним примером представлено слово *упани*, которое означает изделие из кожи оленя и может являться разновидностью обуви (ср. западносибирское *упаки*⁸): двадцатеры рукавицы камасы и ровдужьи, восьмеры *упани* камасные, 8 камасов оленьих (1656 г, В. Устюг, ТК-П, 368).

Наблюдения над названиями обуви и одежды в русском языке XVII века показывают, что разные наименования этой сферы отличаются разной денотативной прикрепленностью. Чем меньше эта прикрепленность, тем более развита синонимичность слова. Привлечение к исследованию местной деловой письменности позволяет уточнить географию ряда слов (исподка, уледи, поршни, катаники и др.), значительно увеличить словарь этих названий. Среди местных названий представлены и слова-омонимы (верхница, исподка). В целом изучение бытовой лексики старорусского периода несомненно важно для решения вопросов, связанных с проблемой формирования национального русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Г. В. Судаков. Лексика одежды в севернорусских актах XVII в. — Лексика севернорусских говоров. Вологда, 1976.

² Н. К. Соколова. Обиходно-бытовая лексика в языке воронежских грамот XVII века. Канд. дисс., Воронеж, 1953, с. 120; Е. Н. Борисова. Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI—XVII вев. Канд. дисс., Рязань, 1956, с. 331.

³ В. Я. Дерягин. Названия рукавиц в русском языке. — Диалектная лексика. 1973. Л., 1974, с. 34, 40—41, 46—47; С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв. М., 1970, с. 182—183; Н. Н. Бражникова. Исследования в области лексики южного Зауралья по данным деловой письменности XVII—XVIII вв. АКД, М., 1971, с. 10.

⁴ Е. Н. Борисова. Из истории некоторых слов бытовой лексики (на материале рязанских памятников XVI—XVII вв.). УЗ Балашовского ПИ, т. I, 1956, с. 150, 152.

⁵ Е. Н. Борисова. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974, с. 89.

⁶ Н. Н. Бражникова. О названиях обуви в деловой письменности южного Зауралья конца XVII—XVIII в. УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, № 353, 1970, с. 396.

⁷ Н. Н. Бражникова. Указ. соч., с. 393; Н. А. Цомакион. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1968, с. 477.

⁸ Н. Н. Бражникова. Указ АКД, с. 12.

Список источников

Акты Морозова — Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. I, М., 1940.

ГАВО — Государственный архив Вологодской области, фф. 512, 674, 883, 948, 1260.

Гр-ки — Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969.

Жит. Авв. — Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960.

КА — Кунгурские акты XVII в. (1668—1699). СПб., 1888.

ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии, т. II—III, 1864—1865.

ОВС — Описание свитков, хранящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище, вып. VII—XIII., Вологда, 1904—1917.

РИБ — Русская историческая библиотека, т. XII, XIV. Акты Холмогорской и Устюженской епархии, ч. I—II. СПб., 1890—1894.

Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. М., 1958.

Тимофеев — «Временник Ивана Тимофеева». М.—Л., 1951.

ТК — Таможенные книги Московского государства XVII века. Северный речной путь, т. I—III, М., 1950—1951.